

МАРИНА
АЛЬДЕНБЕРГ

КНИГА 3

ЛУНА
ВЕРХОВНОГО

Марина Эльденберт

Луна Верховного 3

<https://litres.ru/74207317>

Аннотация

Говорят, что встретить свою истинную пару невозможно, что все это сказки для волчат. Я встретила, вот только кто сказал, что дальше будет проще? У моего волка много врагов, и один из них похитил нашу дочь. Можем ли мы после этого быть семьей, не знаю. Смогу ли я его простить? Большой вопрос. Но одно знаю точно — свою дочь мы вернем любой ценой.

КНИГА ТРЕТЬЯ

**КНИГА ЗАВЕРШЕНА, ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ ФРАГМЕНТ
ПРИСВОЕН АВТОМАТИЧЕСКИ. СКОРО ОТКРОЮ
ПРОДАЖИ ГОТОВОЙ.**

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	17
ГЛАВА 3	34
ГЛАВА 4	45
ГЛАВА 5	62
Конец ознакомительного фрагмента.	71

ГЛАВА 1

Венера

Место было мне незнакомым. Не сказать, что по густым зарослям джунглей можно понять, знакомы они тебе или нет, но это определенно был не лес на острове Рамона. Другие деревья, кустарники, гораздо более высокие, гораздо более... древние! И уже точно на острове верховного не было никаких пирамид, возвышающихся над непроходимой чащей леса.

Не сказать, что я была заядлой путешественницей. На самом деле, все мои путешествия начинались и заканчивались на страницах тревел-блогеров в социальных сетях, а острова Рамона — самая дальняя точка мира, в которой я побывала. Но о чудесах света мне было известно. Открывающиеся моему взгляду сооружения точно были чудом, но я не могла припомнить, чтобы видела что-то подобное даже на фотографиях. Что-то настолько древнее, будто их воздвигли сами Предки!

Я прошла к центральной пирамиде, трава приятно щекотала босые ступни, а вместо нормальной одежды мое тело прикрывали многочисленные бусы и украшения на груди и какое-то символическое тряпье вместо юбки. Я вошла в прохладу темного коридора, будто точно знала куда идти. Шла-

шла, пока не вынырнула в большой зал, похожий на церемониальный, храмовый.

На его стенах оказались интересные картины, но я не стала их рассматривать, устремилась вперед, к женщине в белых одеждах, с длинными седыми волосами. Она сидела на скамье, напоминающей трон, и, кажется, не удивилась моему появлению. В отличие от меня. Меня удивляло все — несмотря на то, что я понимала, что сплю. Вот только этот сон был настолько реальным, насколько были реальными камень под ногами, своды над головой, прохладный воздух, что я вдыхала!

— Где я? — спрашиваю у нее.

— В храме Предков.

Я вздрогнула, по спине пробежал холодок.

— Я что... мертва?

Клянусь, от этой мысли у меня точно прибавилось седых волос, а женщина в белом лишь рассмеялась:

— Это место в мире живых, Венера. Пока что в мире живых.

— Что это значит? И откуда ты знаешь мое имя?

— Я Ману, что все знает.

— Приятно познакомиться, — пробормотала я, чувствуя себя донельзя глупо. Нормально болтать во сне с самой собой?

Она посмотрела куда-то выше моего плеча, и я осознала, что Ману слепа. Она не видит, по крайней мере, не так, как

обычные люди или вервольфы.

— Почему ты сказала — пока? — вернулась я к своему вопросу.

— Все рано или поздно стирает время, — философски заметила женщина. — Я готова к этому. Но мне бы хотелось защитить своих детей.

Мое сердце болезненно сжалось, по нему будто полоснули острым лезвием.

— Я не смогла защитить свою дочь, — всхлипнула жалобно и опустилась на пол. — Ее забрали у меня. Отняли. Непонятно зачем. Для чего.

Хотелось обнять себя, пожалуй, в конце концов. У меня душа начинала болеть, как подумаю, что с моей доченькой. Точнее, она не переставала.

Но эта Ману не позволила мне расклеиться, резко поднялась и приблизилась.

— Я не могу защитить своих детей, но ты можешь!

От неожиданности, мне даже расклеиваться расхотелось.

— Твоих детей?

— Архипелаг Джайо. Все племена.

Архипелаг, на котором потерялся Рамон. Племена, которые похитили Мишель?

— Зачем мне это?

— Потому что ты тоже мать.

Она открыла рот, чтобы сказать что-то еще, но больше я ничего не услышала. Картинка перед глазами потемнела,

чтобы затем наоборот взорваться светом, когда я попыталась распахнуть веки. Меня ослепило, и я крепко зажмурилась.

Поняла только, что где-то лежу, на какой-то постели, а вокруг гул двигателей.

Самолет? Я в самолете?

— Говорил же, вам понадобится помощь.

Доминик? Это Доминик! Откуда он здесь? Второй голос я тоже не с чьим не перепутаю.

— Как будто бы твое появление спугнуло эту тварь! — отвечает Рамон. — Она и так запаниковала. Сураза все рассказала.

— Сама?

— У нее не было выбора. Задницу теперь никто не прикроет.

— У них был другой план?

— План тот же, только они не рассчитывали на мое появление. На приглашение верховных на свадьбу. Все должно было пройти тихо. Доктор, — он цедит это словно ругательство, — сказала бы, что Венера скончалась при родах, а мою дочь все равно отдала бы мерзавке.

— Я рад, что ты успел. С Венерой.

— Я опоздал с Сарой.

Не знаю, чего я ждала, когда слышала голос Доминика? Например, что альфа все решил. Что помог Рамону. Что я проснусь, а дочь будет рядом. Но ее нет. И уже точно мне не хочется никому помогать. Никаким племенам. Мне бы по-

мочь себе.

Дурацкий сон.

Это последняя мысль, прежде чем я снова уплываю в небытие. На этот раз без сновидений.

Когда я просыпаюсь в следующий раз, то чувствую себя лучшее. Бодрее. По крайней мере, физически. И я действительно в самолете, только лежу не на постели, а в черном кожаном кресле, укрытая мягким пледом. Самолет мне не знаком, и он явно меньше того, на котором мы летали с Рамоном. Хотя все места заняты. Вервольфами. И среди них действительно...

— Доминик!

Учитывая волчий слух, а я наверняка возилась, все в курсе, что я не сплю. Но я старательно отвожу взгляд от Рамона в кресле по-соседству. Кажется, у меня не прошло желание перекинуться и укусить его, причем далеко не так, как хотелось бы ему. Поэтому я сосредотачиваю все внимание на Доминике и на остальных.

— Мэтью! Чарльз! Моретт?

Я же здесь всех знаю! Моретт, могучий темноволосый волк, вовсе из стаи Хантера и Алиши. Значит, стаи объединились, чтобы... Зачем они прилетели? Я за эти месяцы так привыкла, что вокруг меня вилемийцы, что немного в шоке от количества легорийцев. Не просто легорийцев, верволь-

фов из стай, в которых я когда-либо была. Моих стай!

— Привет, Венера, — улыбается Доминик. Все улыбаются, они рады мне.

— Что вы здесь делаете?

В таком составе.

— Прилетели за тобой.

— Но...

— Знаю, мы расстались не лучшим образом, но это не значит, что я оставил бы тебя в беде. Перес попросил моей помощи, я прилетел, чтобы забрать тебя и твою дочь. Но опоздал, к сожалению. Мне жаль, что я не успел раньше.

Мы оба понимаем, что он имеет ввиду. Да все, наверняка, понимают, что речь о моей дочери. Доминику жаль, а мне-то как жаль. Не описать словами.

На глаза наворачиваются слезы, и я чувствую, как Рамон сжимает мою руку. Крепко, но недостаточно, чтобы я не смогла высвободить ладонь и демонстративно от него отвернуться.

Ничего не изменилось. Я все ему сказала еще в Вилемие.

— Ты отвезешь меня домой? — я сосредотачиваюсь на разговоре с Домиником, а вот его взгляд скользит с меня на Рамона, словно что-то подсчитывая в уме, замечая каждый жест, каждую черточку.

— Да, Венера, мы летим в Крайтон.

На душе теплеет, даже не приходится вымучивать улыбку. Я улыбаюсь Доминику искренне.

— Я рада. Спасибо.

— Как ты себя чувствуешь?

— Нормально, — пожимаю я плечами. Насколько вообще можно чувствовать себя нормально, когда у тебя отобрали новорожденную дочь. При одной мысли об этом мне приходится делать дыхательную практику, стараясь замедлить бие-
ние пульса. — Чем меня усыпили?

Что мне влил Рамон, если даже мою волчицу свалило, и я проспала много-много часов?

— Это экспериментальная настойка от Хантера. Самая мягкая анестезия.

— Хантер еще и настойки делает?

— Только эту.

Это означает только одно — Рамон заручился поддержкой Доминика, и от этого обидно.

— Ты позволил использовать ее на мне?

— Я рассчитывал, что ты полетишь с нами по своей воле.

— Мог просто сказать, что ты в Вилемие, и я бы согласилась.

После всего, что со мной случилось, я бы улетела оттуда с радостью.

Доминик хмурится:

— Все не так просто, Венера. Микаэль тебя не отпускал.

А вот это новость!

— Почему?

Я жду ответа от Доминика, но отвечает верховный, и голос

у него, мягко говоря, злой:

— Потому что ты назвала Рауля своим супругом и стала официально женой этого щенка. Микаэль заявил, что ты член его стаи.

Идея игнорировать Рамона и делать вид, что он невидимка, проваливается в самом начале. Мои глаза расширяются, а не посмотреть на виновника всех моих несчастий просто невозможно.

— То есть твой брат оказался еще большим *эсдеринос*? — вкрадчиво интересуюсь я.

— Ну почему же? — цедит верховный или уже бывший верховный. — Он выполнил твоё пожелание. Позаботился. А Рауль и счастлив, что ты ему досталась.

Мы смотрим на друг друга так яростно, что, мне кажется, сейчас взглядами высечем искру, а может, не одну. Главное, не поджечь тут все, мы все-таки в воздухе!

— Знаешь, что? — рычу я. — Да каждый волк в стае Микаэля спал и видел, чтобы я выбрала его в качестве мужа.

— Конечно. Чтобы забраться к тебе в постель.

— Я была беременна, — возмущенно выдыхаю. Какая, к бесам, постель? Я же была круглая как шар, и вообще, даже мне, как волчице, понадобится пару месяцев, чтобы восстановить форму.

Но, кажется, Рамон этого не видел. Или не понимал.

— Это не отменяет твоей сексуальности, твоих взглядов, как у трепетной лани.

— Лани?!

Нет слов!

— Твоего роскошного тела, в конце концов.

Хотя вру, слова есть.

— То есть ты только сейчас заметил то, что остальные давно знали?

— Я-то сразу заметил: после той ночи и появилась наша дочь. Просто не говорил тебе. Много чего не успел сказать, — последнюю фразу он добавляет устало, если не сказать с тоской в голосе.

Он вообще выглядит уставшим, сжимает и разжимает кулаки. Но я пресекаю в себе любую попытку проникнуться его чувствами, закрываю ее, как на краник. И только сейчас осознаю, что у нашего спора о моей сексуальности множество свидетелей — попросту, все присутствующие на борту. Бес!

— Прошу прощения, — извиняюсь перед Домиником.

— Ничего, — альфа больше не хмурится, лишь продолжает внимательно изучать меня, нас с Рамоном. — Я понимаю, что вы не успели выяснить отношения.

— У нас с ним, — киваю на Переса, — больше нет никаких отношений.

— Даже если он вернет вашу дочь?

Вопрос с подвохом, и от Доминика я такого не ожидала, но, наверное, это что-то вроде мужской солидарности. У него же тоже есть ребенок, Анхель. С поправкой на то, что своего

сына он не терял!

Я предпочитаю не отвечать на провокационный вопрос и возвращаю тему на Микаэля и мое неудавшееся замужество. Точнее, если верить Мику, как раз удавшееся. Предки, как сложно!

— То есть, альфа Мик все еще считает меня членом своей стаи? И получается... вы меня увезли без его разрешения?

— Я тебя выкрал, — отвечает Рамон.

— А я помог увезти, — добавляет Доминик.

— Это же международный скандал! — У меня волосы на голове начинают шевелиться от размаха катастрофы. Что, если Вилемия объявит войну Легории? Если Микаэль объявит войну Доминику? Вызовет его на бой, а я не буду знать, за кого больше переживать! Мик тот еще *эсдеринос*, но *эсдеринос* идейный. Он же действительно считает, что поступает правильно, и у него тоже жена, дети. Если он погибнет, как я потом посмотрю в глаза Рикардо и Терри?

— Мне надо вернуться!

— К Раулю? — рычит мой истинный, но я его игнорирую.

— Все объяснить. Расторгнуть этот брак. Сказать, что ты, Доминик, и твоя страна тут не при чем.

— Ты с ума сошла, женщина? — интересуется Рамон. — Вместе с моим братом. Он тебя непустит, сделает все по-своему.

— Хорошо, — встречаю его яростный взгляд, — а ты чем от него отличаешься? Меня никто не спрашивал, хочу ли,

чтобы мою дочь отдали на эксперименты!

Рамона перекашивает, на лице играют желваки, а затем он поднимается рывком и уходит, предположительно в сторону кабины пилотов. Смотрю ему в спину, пока он не скрывается из поля зрения.

— Венера, — зовет меня Доминик. Мне уже стыдно за свою вспышку, стыдно, что он стал ее свидетелем. Еще ужасно осознавать, что из-за меня у Доминика могут быть проблемы. У всей Легории могут быть проблемы!

— Прости меня, — говорю смущенно. Без Переса на горизонте мне не хочется крошить и ломать окружающий мир, кричать гадости. — Надо было уехать тогда с тобой.

— Я рад, что не уехала. Учитывая, как Альма хотела тебя заполучить, и как бы мне ни хотелось это признавать, я вряд ли бы обеспечил тебе настолько идеальную охрану. Хорошо, что ты смогла родить здоровую дочь. Хорошо, что осталась жива сама.

Между нами лишь столик, Доминик сидит в кресле напротив, поэтому просто протягивает мне ладонь, и я хватаюсь за нее, как маленькая девочка за отца или старшего брата. В его ладонях сила. Такая же, как в ладонях Рамона, но я гоню эту ассоциацию прочь.

— Мы должны повернуть, — говорю я. — Вернуться в Вилемию. Иначе тебе придется биться с Миком.

— Разверну самолет, и мне придется сражаться с Пересом, — усмехается Доминик. — Но если без шуток, Рамон

увез тебя, потому что считает, что в Легории тебе сейчас будет лучше. Это так, Венера? Или ты хочешь вернуться?

— Правильнее будет вернуться...

— Я не о том, что правильнее, а о том, чего хочешь ты. С Пересом, если что я разберусь.

— Он божественный, — у меня вырывается стон безнадёжности. — Прямой потомок предков.

— Я уже понял, что придется постараться.

Доминик так спокоен и уверен в себе, что эта уверенность передается и мне. Но я не хочу для него проблем. А чего я хочу?

— Домой. Я хочу домой.

— Вот и славно.

До Легории оказывается не так много времени, я успеваю еще подремать, пообщаться с волками-близнецами из стаи Доминика и с самим альфой. Это позволяет мне немного забыть, вернуться в прошлое, где я чувствую себя дома, в безопасности. Пусть даже дома я ни разу вот так не летала на частном самолете.

Единственное, точнее, единственный, кто омрачает мою реальность — это Рамон. Он больше не делает попыток взять меня за руку или поговорить со мной по душам, но он все время находится рядом. Мелькает перед глазами. Отчего мне хочется попросить Доминика выдать ему парашют и выбросить Переса из самолета. Даже самой немного жутко от такой кровожадности! Впрочем, мне сейчас все равно.

Мои чувства заблокировались, и единственная мысль, которая меня греет — я скоро буду дома.

Привет-привет! Мы продолжаем наше увлекательное приключение с Венерой и Рамоном! Поставьте звездочку, если вам нравится история, мне будет очень приятно. Приятного чтения!

ГЛАВА 2

Легория встречает меня проливным дождем и прохладной погодой. В принципе, нормальное явление в родных краях, после изнуряющей жары в Вилемии так вообще сказка. Не говоря уже о том, что погода под стать моему состоянию души. Такая же мрачная и плачущая. Впрочем, плачу я исключительно глубоко внутри себя, во внешний мир не пробивается ни слезинки.

Заморозка.

Нет, все-таки крайтонская погода не совсем меня олицетворяет. Вот если бы град пошел или снег, то возможно. Что вполне вероятно где-нибудь в Морийских лесах, на территории Доминика, куда мы сразу же едем. Здесь горы, и некоторые вершины даже летом укутаны снегом.

Поселение вервольфов несколько лет было моим вторым домом. Да, у меня была собственная квартира в Крайтоне: на гонорар, который мне платил Доминик, я сняла вполне сносное жилье. Но при этом я часто бывала в Морийских лесах, приезжала по делам стаи или в гости к Чарли.

Поэтому сейчас меня накрывает ностальгией, которую я испытываю при виде небольшого городка, аккуратных домиков, расположенных вдоль серпантина, уводящего на вершину холма, к дому альфы. Мы проезжаем по мосту, под которым течет быстрая, полная порогов река, и я ловлю это ощу-

щение дома. Ловлю, пытаюсь поймать, и почему-то не чувствую такой радости, как раньше.

Будто дом у меня теперь в другом месте. А может, просто дело в этой вынужденной заморозке, куда я себя отправила?

Особняк альфы — трехэтажное каменное здание с деревянными внешними балками, больше напоминает замок, чем дом. Хотя бы потому что стоит тут уже несколько столетий. Но вот запущенным не выглядит: благодаря появлению Чарли в жизни Доминика, особняк даже больше расцвел, превратившись из мрачной махины в дом в том самом теплом смысле. И он нравится мне больше их особняка на побережье, у этого есть стиль, история.

Сейчас, правда, я все это отмечаю краем сознания. Или, скорее, осознания. Меня больше интересует Чарли, стоящая на ступеньках под балконом и держащая Анхеля на руках. Я хотела броситься к ней, уже толкнула двери замедляющего ход автомобиля, но Рамон меня удержал на сиденье.

— Ты что творишь, Венера? — рычит он.

— Хочу обнять подругу и ее сына, — цежу в ответ, мгновенно заводясь.

— А о себе ты подумала? Так же можно переломаться.

Он утрирует и изображает заботливого мужа. Вот только муж у меня теперь другой. До сих пор не приду в себя от мысли, что я сбежала от супруга.

— Какая тебе разница? — интересуюсь. Разницы вообще уже никакой — кортеж авто уже остановился. — Перелома-

юсь я или нет.

— Разница есть. Мертвой ты Саре не поможешь.

Имя моей девочки как выстрел в самое сердце.

— Ты жесток, — говорю я.

— Может быть. Если это единственный способ до тебя достучаться.

Я ничего не отвечаю, все-таки выхожу под дождь, наконец-то обнимаю Чарли и крошку Анхеля. Который уже совсем не крошка. Парень вырос, ему уже четыре месяца. Но именно в этот момент, при виде чудесного, со светлыми кудряшками и упрямым выражением личика, Анхеля плотина в моей душе рушится.

И обняв его, я начинаю рыдать.

Со стороны это, наверное, жутко, потому что Чарли широко распахивает глаза, она начинает в панике суетиться.

— Что... Венера? Прости! Мне не надо было выносить Анхеля, но я с ним почти не расстаюсь. Доминик, забери его, пожалуйста!

От этого я плачу еще сильнее.

— Не надо, — прошу я. Как же неловко получилось, еще и напугала всех, в том числе Анхеля. Правда, его младенческий рев прекращается тут же, стоило ему перебраться на руки отца. Но Чарли уже обнимет меня и буквально тащит в особняк.

— Все хорошо, милая. Все хорошо. Ты дома.

Дом. Какое желанное слово, но все, абсолютно все вокруг делает все, чтобы я почувствовала себя именно так. Дома. Чарли окружает меня заботой со свойственным ей рвением. У нее собственный малыш, но сейчас я чувствую себя маленькой девочкой в объятиях любимой матери, готовой порвать любого, кто причинит мне вред или боль. Она оттесняет Рамона, а может, он оттесняется сам, я не знаю, и ведет меня в гостевую спальню, где я могу наконец-то выплакаться. В ее объятиях, в тепле, в уюте.

Я плачу и плачу, будто во мне несколько грозовых туч с водой, но слезы спустя время заканчиваются, на моих щеках остаются лишь их следы, а на языке чувствуется привкус соли.

— Прости, что развела тут сырость.

— Ерунда, Ви, — Чарли хлопает меня по плечу, — я привыкла к плачущим вервольфам.

Я представляю, как стоя по расписанию приходит поплакаться в жилетку первой волчице, и у меня округляются глаза.

— Я про Анхеля, — смеется подруга. — Если тебя это утешит, он плачет в разы громче, на весь лес слышно.

— Как много я пропустила, — говорю с сожалением.

— Да ладно, у нас было скучно. Уверена, что тебе есть, что рассказать.

— Да уж, мне было нескучно.

— Знаю, Ви, — она ободряюще сжимает мою руку. — За-

то ты была в гуще событий и жила свою жизнь.

— В смысле, свою? — хмурюсь я.

Чарли теряется, но деваться ей некуда, уже сказала «А».

— Собственную, — объясняет она. — Мне казалось, что, когда ты жила здесь, в Крайтоне, то будто бы наблюдала за нами, но боялась жить сама. А теперь все изменилось.

Подруга нервно смеется и поднимает руки:

— Я не говорю, что то, что случилось — хорошо, Владыка упаси! Но, наверное, было и хорошее.

— Да, — соглашаюсь я. — Я родила дочь. У меня была дочь.

— Венера, у тебя есть дочь, — напоминает Чарли, глядя на меня с искренним беспокойством и участием, но я отмахиваюсь от ее слов:

— Можно мне отдохнуть?

— Да, конечно.

Чарли уходит, оставляя меня в любимой гостевой комнате, в которой я оставалась раньше, когда нужно было задержаться в Морийских лесах или рано начать работать. Нежно-лиловые обои, мебель из светлого дерева, мягкое покрывало на постели, кушетка у изножья, на которой мы с подругой и сидели. На мне больничная одежда, еще было мужское пальто, но его я потеряла где-то по пути в спальню, а может, кто-то стянул его с моих плеч, пока я боролась со слезами. Неважно.

Все неважно.

Я бреду в ванную, здесь она личная, стаскиваю с себя грязные опостылевшие тряпки, скидываю их на пол и долго греюсь под струями обжигающей воды. Пока кожа не покраснеет и не сморщится. Ожидаемо бодрости мне это не дарит, пусть даже настойка Хантера уже давно выветрилась из моей крови, и сложность перелета и усталость делают свое дело — я даже не помню, как дохожу до постели. Кажется, мне снится, что это Рамон подхватывает меня и переносит на постель, вытирает полотенцем и укутывает в теплое одеяло.

Бред! Верховный никогда обо мне так не заботился. Точнее, заботился, но исключительно в моменты, когда меня хотели убить. Значит, это просто сон, и во сне я прижимаюсь к нему, обхватываю руками и ногами, и падаю еще глубже.

Туда, где даже снов нет.

Утром, или какое сейчас время дня (за окном дождь такой, что не разберешь), мне даже аромат его чудится, но вторая половина кровати не примята — я спала одна. Не знаю, чего во мне больше: облегчения или разочарования. Вроде, второго вовсе не должно быть, но оно есть. Я разочарована, что Рамона нет рядом. Может, его даже в доме нет.

Но он есть. Мне достаточно спуститься на первый этаж, как я улавливаю аромат истинного. Раньше, чем запахи остальных. А в большой гостиной оказываются все мои друзья: Доминик и Чарли, Хантер и Алиша. И Рамон.

Предки, когда-то я мечтала собираться парами, и чтобы у меня тоже была пара. Намечтала! Теперь вид развалившегося-

ся в кресле Рамона вызывает у меня исключительное желание отметить это обратно.

Сейчас он выглядит лучше, более отдохнувшим, и бороду сбрил, оставив небольшую щетину, которая, как бы ни не хотелось это признавать, ему идет. А так он, в принципе, всегда выглядит победителем по жизни. Особенно, когда сменил бесформенную толстовку и джинсы на привычные строгие брюки и белую рубашку. Как назло, я оделась похоже: костюмные брюки и молочная блузка под горло в стиле Сиенны. Нашла среди моих же вещей, что мне доставили. Никогда я не выглядела такой резкой, я всегда добавляла в свои образы плавных женственных линий, а здесь поняла, что теперь хочу другого.

Будто мне хочется одеться в рыцарские латы.

Я знала, что Рамон почувствовал меня, как его почувствовала я, но повернулся он к двери последним. Его глаза едва уловимо сверкнули оранжевым, но с места он не сдвинулся. В отличие от остальных: Алиша подскочила и обняла меня, мазнув темными длинными волосам по плечу, высокий Хантер тоже поднялся, пожал мне руку, как любитель человеческих традиций. Доминик похлопал меня по плечу, а Чарли оттеснила ото всех желающих меня потискать, как истинная защитница, и подтолкнула к дивану.

— Куда вы дели Анхеля? — поинтересовалась я.

— Он под присмотром няnek, — ответила Чарли. — В кои то веки можно поужинать «взрослым» составом.

Впрочем, я не спешила садиться. Как бы ни не хотелось портить чудесное воссоединение с друзьями, я понимала, что Рамон тоже будет ужинать.

Чем дико испортит мне настроение.

— Прошу прощения, но я не буду ужинать.

— В смысле? Ты же больше суток не ела. Неужели не хочешь? — Прямолинейность Чарли всегда сбивала меня с толку, но тут я решила, что пришло время у нее этому поучиться.

— Хочу, но я хотела сделать это в семейном кругу.

— С Рамоном что ли? — нахмурилась подруга.

Я посмотрела истинному в глаза.

— Без Рамона.

Следующая неловкая пауза достойна театральной тишины на пике кульминация спектакля. Неловкая для всех, но не для меня. Я слишком устала притворяться и подстраиваться, заботиться о чьих-либо чувствах, только не о своих. Я устала надеяться, что с этим мужчиной у нас может что-то получиться. Точка.

Он это понимает. Он это прекрасно понимает, потому что разом мрачнеет. Из-за его мрачности даже окружающая обстановка теплой гостиной с настоящим пламенем камина и едва уловимым потрескиванием поленьев выцветает, впуская холод и безразличие.

С таким же безразличием я смотрю на того, о ком мечтала

последние несколько месяцев. С безразличием, с выжиданием. Что он станет делать? Уйдет? Или останется, и тогда уйду я?

Я перевожу взгляд на остальных: будь у меня силы, и не будь во мне вернувшейся заморозки, в нем читался бы вызов. Вызов женщины, которой больше нечего терять. Но сейчас там лишь ожидание. Как в телефонном звонке на номер техподдержки — режим ожидания. Доминик хмурится, Хантер удивленно приподнял бровь, Чарли приоткрыла рот, очевидно, от моей наглости, а Алиша закусил губу и почему-то смотрит на Рамона. Наверное, для них это и есть вызов, а я жду ответа. Жду, закончится ли на этом гостеприимство друзей, и для кого.

Для Рамона или для меня?

Тишину нарушает Чарли, она вообще не умеет молчать: — Венера, он же твой истинный!

— И что? Кто-то там сверху решил, что мы физиологически совместимы, и я теперь привязана к нему на всю жизнь? Я думала, ты поймешь меня лучше всех, ты родилась человеком.

— Я да, — поджигает губы подруга, — но ты-то родилась волчицей.

— Я изначально была с дефектом.

— Или тебе нравилась эта мысль, — вот это уже не Чарли говорит, а Рамон.

— Что? — переспрашиваю я.

— Тебе нравилось думать, что ты с дефектом.

— Ты мне сейчас решил сеанс психоанализа устроить?

— Нет, — качает он головой, — просто снова убедился в том, что мы действительно истинная пара. Насколько ты знаешь, я тоже родился с дефектом.

Он смеется? Издевается надо мной?

— Ты родился божественным.

— А толку от этой божественности? Счастья мне это не прибавило. Ровно до встречи с тобой.

Его слова цепляют, корябают сердце стальными когтями. Рамон мог покорить меня такими словами там, в нашу первую встречу. Я еще могла бы им поверить, когда он заклонил меня от пуль на острове. Но не сейчас.

— Меня это должно волновать?

— Я тебе говорил, — Доминик не понижает голоса, да и ни к чему это в обществе вервольфов. — Когда они начинают общаться, никого другого не существует.

Я оглядываюсь на друзей:

— Прошу меня простить. Я не хотела ставить ультиматумов.

— Но поставила, — подмигивает Хантер.

— Поставила, — соглашаюсь я. — Потому что мне слишком больно находиться с ним в одной комнате.

Раньше, чтобы признаться в своих чувствах, мне требовалось усилие, но сейчас я будто под анестезией. Я говорю «больно», но мне, наверное, не больно. Эта рана просто сад-

нит, как порез.

Чтобы всем не сделать еще более неловко, я подвожу итог:

— Поэтому я ухожу.

— Уйду я, — поднимается Рамон. — Не из гостинной, а вообще. Я не стану злоупотреблять гостеприимством и уеду отсюда завтра.

Я этого хочу? Хочу! Тогда почему не наступает облегчение?

— Ты не обязан этого делать, Перес, — говорит Доминик.

— Знаю, но и ты в курсе, что мое дело не терпит отлагательств.

— В курсе.

— Я уйду сейчас, — повторяет Рамон, поймав мой взгляд, — но при условии, что мы поговорим наедине.

Кто бы сомневался, что у него найдется куча отмазок? Условий.

— Нет, — качаю головой, — мы друг другу все сказали.

— Не все, — отрезает он. — Даже далеко не все.

— То есть, ты не уберешься, если я не дам тебе пять минут?

— Вроде того, — он нагло складывает руки на груди. — Экрот обещал на ужин свиные ребрышки. Более того, я не уеду, пока мы не поговорим.

Это настоящая засада, потому что перетерпеть вечер и утро у себя в комнате я могу, а вот прятаться от Рамона постоянно — не лучшее времяпровождение.

Мои сомнения разбивает Доминик:

— Иди и поговори с ним, Венера. Это приказ альфы.

— Это жестоко.

— Зато ты сможешь сразу во всем разобраться. Мой кабинет открыт и свободен. Если что, там хорошая звукоизоляция.

Со стороны Доминика это не просто жестоко, это бессердечно, но приказ есть приказ, и, поднимаясь в его кабинет, я пытаюсь найти плюсы в этом разговоре. Пока вижу только один — Рамон после него уедет. Правда, не представляю, к чему все это. Эти беседы наедине.

Кабинет Доминика по-мужски строгий, с массивной деревянной мебелью, с книжными полками, узким диваном и с мягким ковром на полу. Когда мы входим, я включаю торшер, и мягкий свет вспыхивает, расплзается в попытке согреть своим теплом. Здесь не холодно, в стенах дома специальная система, которая делает температуру комфортной круглый год, но я обхватываю себя руками, чтобы эти самые руки чем-то занять.

Я честно готова слушать, но Рамон не спешит начинать первым. Он подходит ко мне, останавливается в паре шагов. Его взгляд скользит по мне, как там, в гостиной, будто обволакивает как тот свет, как тепло. Он настолько темный, настолько глубокий, что, мне кажется, в этой глубине вот-вот разгорятся оранжевые искры. Но они не разгораются, наоборот, глаза Рамона словно становятся еще темнее, а он ме-

ня гладит меня взглядом. Смотрит, будто старается каждую черту запомнить.

— Ты будешь говорить или смотреть? — не выдерживаю я первой. — Хотя я не против, мне без разницы, как ты используешь свои пять минут.

— Про пять минут сказала ты, — напоминает вервольф, и я чувствую, что меня надули.

— А ты подтвердил...

— ...что хочу, чтобы мы поговорили наедине.

— Да хоть двадцать! — я вскидываю подбородок. — Я тебе сказала абсолютно все еще там, в Вилемие. Когда ты позволил похитить нашу дочь.

Вот теперь его глаза вспыхивают оранжевым, вспыхивают и гаснут.

— Хорошо, — кивает он. Жестко, по-деловому. — Тогда говорить буду я.

Я развожу руками, показывая, что мне все равно. Мне действительно все равно. Все равно, я сказала! А то, что он меня злит одним своим видом — это ничего, справлюсь.

— Я понимаю твои чувства. Понимаю твою боль. Потому что испытываю то же самое.

Да ты что? Это мне хочется сказать, но я вовремя вспоминаю, что собиралась молчать, и ловлю слова на подходе, захлопываю рот. Рамон понимающе хмыкает, но тут же снова становится серьезным.

— Я хотел ее. Предки, я так хотел этого ребенка. Да, я

считал, что ты решила забеременеть от меня обманом. Околдовала меня чем-то. Не говоря уже о том, что я подумал, что это какой-то заговор старейшин на вверенной мне территории. Что Экрот хочет манипулировать мной с помощью ребенка. Поэтому забрал тебя. Поэтому, а еще потому что понимал, что хочу защитить его, своего волчонка, от всех проблем. Я думал, это будет парень. — Он улыбается, предки, я не помню у него такой нежной улыбки! И это сродни короткому удару в солнечное сплетение. — А когда узнал, что будет девчонка, растерялся. С парнями проще. Наверное. Можно водить на рыбалку, учить охотиться, как завязывать галстук. Ему можно передать дела. Волчицы — нежные, хрупкие создания, как ее воспитывать? Но чем больше я думал, что у меня будет дочь, тем больше понимал, что по-другому и быть не может. Что мне будет сложно, но я стану самым счастливым отцом на свете. И я им стал.

Комок в горле растет сильнее и сильнее, поэтому сглатываю я с трудом.

— Зачем ты все это мне рассказываешь? — спрашиваю, нарушив собственное же обещание. — Зачем, когда ее больше нет?

Рамон темнеет лицом, а черты его заостряются, выдавая звериное начало.

— Она есть, Венера. — В его голосе уверенность, которую я не испытываю. Уверенность или самообман? — Наша дочь жива.

— Откуда ты знаешь? Я ее не чувствую.

Я правда ее не чувствую. Пыталась несколько раз нащупать эту связь, как это было с Рамоном, но у меня ничего не вышло. Это как в пропасть кричать.

— Я не знаю, для чего она нужна этим монстрам, Рамон. Для каких... экспериментов. — Меня даже передергивает от подобного. — Жива ли она еще?

— Венера, — рычит он, так что я вздрагиваю, — она нужна Альме живой. Я в этом сомневаюсь. Экспериментов и прочей дичи, которую ты себе придумала, не будет.

— Она сумасшедшая, — зло напоминаю я. — У нее ребенка забрали.

— Тогда тем более понятно, зачем она похитила Сару. Она хочет себе дочь, а значит, не причинит ей вреда.

Не причинит вреда? Ее у матери родной забрали! Лишили ласки, молока, любви. Не говоря уже о том, что...

— Это всего лишь. Твои. Домыслы, — я чеканю каждое слово, потому что надежда уже проникла в меня, отравляя своим теплом. Проливаясь кислотой на мое раненое материнское сердце.

— Тебе проще смириться с тем, что она погибла? Ты хочешь этого?

Все мое безразличие, которым я себя окружила, трескается как скорлупа, я с рычанием бросаюсь на Рамона:

— Да как ты можешь! Как ты можешь тыкать в меня этим? Это все твоя вина! Твоя! Ты это допустил!

Я хватаю его за лацканы пиджака, трясусь, но он не сопротивляется. Мне кажется, даже если я перекинусь и буду рвать его когтями, Рамон не пошевелится. И это отрезвляет. Мне еще расплакаться на его плече не хватало для полного счастья, а затем помириться. Ну конечно! Он же убедил меня, что нашу дочь не затыкают до смерти иголками!

Поэтому я отдергиваю руки, отступаю, закрываюсь в свой кокон заморозки.

— Ты права, — говорит Рамон. — Я сделал свой выбор, спасал тебя, когда нужно было следить за дочерью.

А вот перекладывать на меня вину не надо!

— Я этого не просила.

— Это мой выбор. Но и дочь я не собираюсь отдавать Альме. Завтра я начну поиски Сары, поэтому улетаю из Легории. Я обещаю тебе, что верну ее. Но ты можешь поехать вместе со мной.

— Чтобы — что? — вырывается у меня. — Чтобы надеяться, а затем снова обмануться? Снова тебе довериться?

— Да, — говорит Рамон. — Довериться. Поверить, что мы сможем стать семьей.

— Не сможем, — отрезаю я, и новая тень набегает на лицо истинного.

— Тогда хотя бы поверить в то, что вы снова сможете быть вместе.

Поверить? Сердце кровоточит от этой мысли. От этой

неопределенности. Сиенна хотя бы знала, а я... Я не знаю, что меня ждет. Что ждет нас с малышкой. Просто хочу поддержать ее на руках. Поцеловать маленькие ручки и ножки. Услышать ее улюлюканье, смех. Предки, это все, что я хочу. Большого не надо. За это я готова даже умереть.

— Уходи, Рамон, — прошу я устало и поворачиваюсь к нему спиной. Будто на книжных полках самые интересные в мире книги! Но названия на корешках расплываются перед глазами. — Уходи, пожалуйста. Если ты вернешься... Когда ты вернешься, может быть, тогда мы поговорим.

Нет, это не объявление войны, я не выдвигаю условия. Я складываю оружие.

Истинный делает шаг ко мне, подходит так близко, что почти меня касается. Но не касается. Я чувствую его аромат, его обнимающее тепло, близость, которая становится почти невыносимой. Настолько она невинна и откровенна. Между нами несколько сантиметров, а по ощущениям целый океан. Завтра, возможно, именно так и будет.

— Вылет в одиннадцать сорок, — говорит он. — Если передумаешь...

— Не передумаю.

— Хорошо. Прощай, пепа.

Он уходит, ступая мягко, а ощущения такие, будто уносит со мной сердце. Я ведь правильно поступила, тогда отчего такое гадкое чувство, словно я ошиблась?

ГЛАВА 3

Надо ли говорить, что ночью я сплю ужасно, ворочаюсь с боку на бок, то проваливаясь в сон, то вздрагивая от любого шороха. И дело не в резкой смене часовых поясов. Меня мучают не кошмары, а собственные мысли наяву. Мысли, сомнения. Разум твердит, что я поступила правильно. Но разум ли? Или обиженное эго? Не разумнее ли отправиться с Рамоном?

И что?! Куда я поеду? Зачем? За надеждой?

Миллион вопросов и ни одного ответа! Только потолок изучила вдоль и поперек, обнаружила легкую паутинку на светильнике: какой-то паучок постарался, а горничная не заметила.

Я так и не вернулась к друзьям. Поняла, что не готова к вопросам. К вопросам, к сочувствующим взглядам, к тому, чтобы держать улыбку. Попросила принести мне еду в комнату. И мне ее принесли. К счастью, сам повар, а не Чарли. Я почти была готова к тому, что подруга не вытерпит, замучается от любопытства и придет ко мне с допросом.

Не пришла.

То ли решила дать мне эмоциональную фору, то ли Доминик постарался ее убедить оставить меня в покое. Теперь, когда я ворочалась в постели, я даже жалела, что Чарли не пришла. Я, по крайней мере, могла выговориться и сейчас

бы не считала овец. Впрочем, я сбилась еще на первой сотне и снова мысленно вернулась к Рамону. Точнее, к Саре.

Под утро я окончательно поняла, что не усну, и поднялась. Закуталась в халат, отыскала в ящике стола гостевой блокнот с ручкой и села писать. Этому приему научила меня Хелен: если не с кем поговорить, или тема для разговора слишком для тебя личная, и ты не готова это обсуждать с кем-либо — поговори с собой. Вылей все на бумагу, как на духу. Все свои чувства. Все эмоции. Все сомнения. Расскажи дневнику все, как самому лучшему другу.

Раньше я писала подобные дневники пачками. Писала и сжигала, потому что мне было стыдно за мои чувства. Потом я начала доверять Хелен. Затем я доверилась Доминику и Чарли, и в этих письмах в никуда просто отпала надобность. Я перестала в них нуждаться. Но не сегодня.

Я изливала душу блокноту, как никогда и никому, рассказывая о том, как сильно у меня болит в груди. Как мне страшно за дочь. Как мне страшно за себя. За нас. Как я ненавижу Альму. Как я ненавижу Рамона за то, что он втянул меня во все это. И как ненавижу себя за то, что согласилась стать приманкой. За то, что была такой доверчивой. За то, что поверила, что могу быть счастливой...

На последнем предложении я споткнулась, дрожащими пальцами отложила ручку в сторону. Последнее было лишним. Я могу ныть всю ночь. Да что там, я могу ныть всю оставшуюся жизнь. Но что это изменит? Принять тот факт,

что я никогда не увижу Сару? Именно так бы мне посоветовала Хелен. Принять, что в жизни случается дерьмо в виде психопатов. Сначала Август, теперь Альма... Предки, у них даже имена похожие! Может, я притягиваю маньяков на букву «А».

Принять существование психопатов я еще могла. Это могла. Что я не могла понять и принять, это то, что откажусь от надежды найти дочь.

Ничего не сделаю.

Позволю своему эго, гордыне взять надо мной верх.

Если есть хоть крошечная вероятность, что Сара жива, и Рамон может ее вернуть! Хоть один процент! Почему я предпочитаю отказаться от надежды, вместо того чтобы бороться?

Я должна поехать с ним!

Не ради перемирия. Ради Сары. Ради себя. Вдруг я смогу помочь. Обязательно смогу!

Я должна ехать...

Эту мысль я еще помнила. Свою решимость тоже. Но вот проснувшись я с затекшей шеей, скрючившейся и в обнимку с блокнотом. И подорвалась с постели, потому что часы на тумбочке показывали десять пятьдесят.

Не заботясь, как выгляжу, я выскакиваю в коридор и по запаху отыскиваю комнату Рамона. Но его там нет: постель застелена, вещей нет, не хватает только таблички «номер сдан». Тогда я несусь вниз, потому что аромат уводит к вы-

ходу.

По пути мне попадается сам альфа, я чуть не сбиваю его с ног. Чуть — потому что у Доминика хорошая реакция.

— Доминик, где Рамон?

— Он уехал, Венера. Как и обещал.

— Давно?

— Примерно с час. До аэропорта отсюда пара часов.

Как будто я не знаю! Я не успею, даже если отправлюсь немедленно.

— Можно ему позвонить?

— Конечно. — Доминик набирает его, но что бы вы думали... — Абонент недоступен. Возможно, он выключил телефон.

У меня нет слов. Просто нет слов. Именно тогда, когда он мне нужен больше всего, Рамон отключил телефон!

— Ты что-то хотела ему сказать, Венера?

— Да, — почти выкрикиваю я. — Что еду с ним! Но этот... эсдеринос выключил телефон!

Я зла. На него. На себя. На себя, потому что нужно было сразу идти ночью, как решила. Или вчера не быть такой категоричной. А теперь...

Я готова расплакаться от такой несправедливости, бесовы гормоны!

— Теперь я не успею, — всхлипываю расстроено.

— На машине нет, — кивает Доминик. — По воздуху — можешь успеть.

Вертолет! Конечно. Как я могла о нем забыть? Доминик приобрел его, когда Чарли была на последнем сроке беременности. На случай, если они будут в Морийском лесу в то время, как супруге наступит время рожать. Чтобы можно было доставить Чарли в Крайтон в кратчайшие сроки. Насколько я знаю, друзьям он так и не пригодился, но мог выручить меня сейчас.

— Я велю его приготовить, — говорит альфа, — а ты пока оденься и попрощайся с Шарлин. Она расстроится, если ты сбежишь по-легорийски.

В ответ на мой наверняка полубезумный взгляд он добавил:

— Венера, вы все равно не взлетите раньше, чем через десять-пятнадцать минут. К тому же, ты босая и в халате.

А-р-р-р! Доминик прав. Сто раз прав. Я хочу отправиться на поиски дочери, хочу догнать Рамона, но мне еще нужен пилот и обувь. Обувь точно нужна. Пилот, конечно, нужнее, но...

В таком раздразе я несусь в свою комнату. От бега даже ноют швы, разойтись уже не должны, но я заставляю себя немного замедлиться. Совсем чуть-чуть. Если у меня откроется кровотечение, Доминик меня никуда непустит. Подозреваю, что и Перес меня с собой не возьмет. В комнате я натягиваю первое, что попадает под руку: вчерашний брючный костюм, удобные туфли на низком ходу. Надо бы взять сменную одежду, но я не знаю, куда мы полетим, и ка-

кая там будет погода. Поэтому сгребаю несколько комплектов нижнего белья, футболку, джинсы, вельветовую куртку, косметичку...

Чарли появляется в моей спальне вовремя и приносит дорожную сумку.

— Так и знала, что тебе это пригодится! — восклицает она: — А еще это.

Этим оказывается мой паспорт, который Рамон забрал из моей спальни в Вилемие и передал Доминику. Если честно, я думала, что осталась без документов. Но Рамон и это предусмотрел.

Чарли помогает мне все быстро сложить, и мы идем к площадке, на которой уже раскручивает свои лопасти небольшой вертолет. Сумку несем вместе, хотя она оказывается не настолько увесистой, тем не менее моя подруга настаивает на том, что тяжести мне сейчас носить не стоит.

— Тебе тоже!

— Поверь, Анхель весит раза в два больше, — отмахивается Чарли. — Он могучий волк, весь в папочку.

— Ты не злишься, что я так быстро улетаю?

— Хм, я конечно хотела, чтобы ты осталась дома, с нами, но я бы, наверное, больше на тебя разозлилась, реши ты действительно остаться.

Мои глаза округляются.

— Почему?

— Потому что он твой истинный, который ищет вашу

дочь. Я даже собиралась разбудить тебя утром, поговорить об этом.

— Что тебя остановило?

— Кто, — слегка краснеет Шарлин. — Доминик сказал, что нехорошо лезть в чужую личную жизнь. Он был настолько убедителен, что я почти поверила, что ему совсем не хочется сделать тоже самое.

— Почему ты считаешь, что ему хочется мне помочь?

— А почему он лично везет тебя в Крайтон? Конечно, он такой же как и я. Альфа, что с нас взять! Любим мы везде свой нос сунуть.

Я смеюсь и обнимаю Чарли так сильно, что она ойкает.

— Спасибо тебе, — целую я ее в щеку. — Спасибо за твою поддержку.

— Для этого и нужны друзья, правда? Напиши мне! Или позвони, как найдете ее.

Мое сердце пропускает удар.

— Если найдем.

— Когда! — настаивает Чарли, перекрикивая шум вертолета.

Я присоединяюсь к Доминику, закидываю сумку на заднее сиденья, а сама располагаюсь на соседнем. Быстро пристегиваюсь, надеваю защищающие от шума наушники, и мы почти сразу взлетаем. Сначала Чарли становится маленькой, потом их особняк, а после и поселение исчезает из вида. Мы летим над лесом, пролетаем над широкой рекой Ривермонт,

над линиями шоссе. Мы летим так быстро, что я почти начинаю верить, что мы успеем.

Успеем же?

А если не успеем... Даже думать не хочу об этом. Где я потом буду искать Рамона?

И мне приходит в голову единственное, что я могу: снова воспользоваться связью истинных. Я всеми правдами и неправдами закрывалась от нее эти дни. С тех пор, как позвала Рамона в день свадьбы, но сейчас открываюсь. Не знаю, слышит ли он меня, но я прошу не улетать.

Прошу взять меня с собой.

Впрочем, только на эту связь и надежда. Потому что мы опаздываем на десять минут.

Обидно до слез, потому что мне казалось, что мы вот-вот успеем. Что должны успеть. Но просто кто-то полночи не спала, а потом, наоборот, спала слишком крепко. Но я смотрю сквозь стеклянную стену, как взлетает самолет, удаляясь в небо, и понимаю, что на нем вполне может улететь Рамон. Улететь на поиски нашей дочери.

Да что же со мной не так? Карма дырявая, или я просто каждый раз делаю не тот выбор? Что не так? Почему я не могла сказать, что подумаю? Или, например: «Постучись ко мне утром»? По-моему, эсдеринос в этой ситуации я. Точнее, эсдериана.

— Я узнаю, куда он отправился, — пообещал мне Доминик и ушел, а я опустилась на жесткое сиденье в зале ожи-

дания. Опустилась, обхватила голову руками и занималась тем, что ругала себя последними словами. Доругалась до тех пор, пока мне вдруг не стал чудиться аромат Рамона. Тонкий, едва уловимый, но его я ни с чьим бы не спутала.

Он здесь сидел перед отъездом? Логичное предположение, но аромат не исчезал, а становился отчетливее. Тогда я вскинула голову и увидела истинного, идущего ко мне через зал. Точнее, уже подошедшего: пока я удивленно моргала, Рамон оказался на соседнем сиденье.

— Ты не улетел, — получилось с упреком. Но у нас с ним в последнее время без упреков не получалось общаться. — Почему ты не улетел? У тебя позже рейс?

Кровь ударила мне в лицо, и я почувствовала себя по-идиотски. Неужели он сказал мне неправильное время? Очередная ложь?

— Нет, — он качнул головой. — Пришлось пропустить наш коридор. До следующего, правда придется ждать два с половиной часа.

— Почему?

— Что — почему? Я услышал твой зов. Понял, что ты все-таки передумала.

Мы смотрим друг другу в глаза, так глубоко, что я не выдерживаю этого взгляда, отворачиваюсь. Гораздо проще смотреть на взлетные полосы. На серое, пасмурное, но бездождевое небо. Несколько месяцев назад мы улетели отсюда на острова, и я надеялась на все самое лучшее. А что сейчас?

— Почему тогда ты мне не ответил? Когда был на архипелаге.

— Я посчитал это последствиями горячки, а не твоей попыткой со мной связаться, — отвечает он серьезно.

— Попытками, — поправляю я. — Их было много.

— Теперь я внимательнее.

Рамон не пытается меня коснуться, но у меня возникает ощущение, что он поглаживает меня взглядом. Будто касается им. Я это чувствую кожей.

— Это ничего не меняет.

— Я уже понял.

— Я хочу найти дочь, и все.

— Я хочу найти ее не меньше твоего.

В этом мы точно заодно.

— И ты не отдашь ее Волчьему Союзу или кому-либо? — теперь я смотрю ему в глаза. Потому что мне очень важно узнать ответ.

— Никому и ни за что, — обещает Рамон так, что это похоже на клятву. — Она наша дочь. И будет с нами.

— Даже если мы будем не вместе?

В его глазах темнеют, он сжимает челюсти, но отвечает уклончиво:

— Давай для начала найдем ее.

Я в общем-то с ним согласна: только это сейчас и имеет значение.

— Пойдем, — он подает мне руку. — Сообщим осталь-

ным, что ты летишь с нами.

— Остальным? — хмурюсь я в замешательстве, но тут необходимость у Рамона отвечать отпадает, потому что в конце зала я вижу Доминика с Хантером и Алишей.

— Они тоже летят?

— Да, когда Хантер узнал, что мы отправимся на архипелаг Джайо, то предоставил в мое полное распоряжение свой частный самолет. С одним условием — он тоже полетит.

— А Алиша?

— Сказала, что одной в Крайтоне ей будет скучно.

Да ладно?! Насколько я знаю Али, ей никогда не бывает скучно в одиночестве. Я скорее поверю, что она будет скучать по Хантеру, но что-то мне подсказывает, что она тут из-за меня. Потому что друзья нашему с Домиником появлению не удивляются. Кажется, я единственная, кто тут искренне верил, что смогу остаться в Легории. Остальные считали, что я улечу с Рамоном.

ГЛАВА 4

Впрочем, оказалось Доминик меня со звонком Рамону не обманывал. Для него отъезд Хантера с Али тоже стал неожиданностью, но запретить им улететь он, естественно, не мог. Мог только пожелать нам всем удачи. Мне даже показалось, что он остался доволен тем, что Хантер присмотрит за мной. На этот раз расстались мы тепло: когда я заикнулась про то, что у него и Легории могут возникнуть проблемы, Доминик меня перебил и чуть ли не благословил на поиски дочери. Его объятия будто снова зародили во мне надежду. Надежду на то, что все получится.

В общем, мы вылетели по новому расписанию, и только в самолете я наконец-то узнала, куда мы летим.

— В Гежэль, — ответил Рамон. — У Артура и Альмы множество домов по всему миру, но, по словам Суразы, в Гежэле находится ее личный. Тот, о существовании которого ее спутник не знал.

— Не знал?

Обсуждать с Рамоном спасение дочери оказывается проще, чем наши неудавшиеся отношения, и я легко включаюсь в это общение.

— Если Мик выдал ему информацию, то он уже в курсе. И у него есть фора в пару дней.

То есть, за Альмой охотимся не только мы, но и Волчий

Союз. Вот только мы ни разу не союзники.

— Почему тогда Хантер собрался к Джайо?

— Потому что это наш второй пункт назначения, — усме-
хается друг и прищуривает разноцветные глаза в предвкуше-
нии. — Если не найдем Альму в Гежэле. Да даже если най-
дем! Перес обещал мне пирамиды!

— Его там чуть не убили, — напоминаю я.

— Знаю, Ви, — вмиг становится серьезным Хантер. — И
зачем мы летим туда на самом деле.

— Почему ты не полетел туда сразу? — спрашиваю у Ра-
мона, стараясь всячески убрать из собственного тона претен-
зию. Сейчас мы вроде как заодно.

— Потому что был занят тобой.

— Но я не важнее Сары.

— Для меня вы одинаково ценны.

На это мне нечего ответить. На это, на его взгляды. Нет,
Рамон со мной не флиртует, он просто говорит правду, и
именно этим меня раздражает.

Тем, что верит, что у нас еще может что-то получиться.

Гежэль — крупный город Нельского княжества, находит-
ся в четырех часах лета от Крайтона. Климат здесь теплее, а
погода солнечная и по-настоящему летняя, поэтому пиджак
я оставляю в самолете. Если честно, после легорийской про-
хлады и вилемейской жары, температура здесь одно насла-
ждение. Со стороны моря дует легкий бриз, повсюду вечно-
зеленые хвойные деревья и белые скалы. Голубое небо про-

сто манит выдвинуться в сторону пляжа и провести там весь день, принимая водные и солнечные ванны. Если бы я не ненавидела Альму и человеческой, и волчьей ипостасью, то, наверное, в должной мере оценила бы ее выбор для резиденции зла. Но все, чего мне сейчас хотелось — чтобы дочь оказалась здесь. Никакое море или солнце не могло заменить мне ее улыбки.

Но по прилету выяснилось, что Рамон и Хантер не собираются нас с Али брать с собой и предлагают подождать в отеле. В симпатичном таком, в старинном и утопающем в розовом саду. Кажется, его выбрала Али.

— Это может быть опасно, — объясняет Хантер. — Учитывая, что тебя, Венера, Альма несколько раз пыталась убить.

Что-то за эти месяцы во мне изменилось, может, на меня действительно так повлиял материнский инстинкт. Или просто та Венера, что следовала правилам и всегда всех и во всем слушалась, куда-то подевалась. Потому что я сразу встала в позу.

— Зачем я тогда сюда ехала? Чтобы сидеть в отеле? Я еду с вами и точка. Или без вас, выбирайте. — Я с вызовом посмотрела на Рамона: — Тебе придется меня связать, если хочешь, чтобы я ждала в отеле.

Бесы, конечно, я блефовала! Потому что даже адрес не знала. Но была полна решимости ехать к Альме.

— Оставьте нас, — попросил-приказал Рамон, и мои дру-

зья, хотя какие они друзья — самые настоящие предатели, вышли из номера. А он шагнул ко мне вплотную: — Непанепа, не искушай меня, пожалуйста. Я такие игры не люблю, но для тебя сделаю все, что угодно.

Я вспыхиваю от его намеков, хотя давно должна уже привыкнуть.

— Поверь, верховный, мне это удовольствия не доставит, — цежу я.

— Как знать. Ты всегда была дерзкой. Ну и что с тобой сделать? Действительно связать?

— Тогда ты станешь еще более отвратительным...

Он бесцеремонно кладет палец мне на губы. Этот жест так остро во мне отзывается, что я отшатываюсь. Что, конечно, не укрывается от него.

— И у тебя появится еще один повод меня ненавидеть, — говорит он с досадой. — Нет, Венера, хочешь поехать со мной, пожалуйста. Но помни, что ты нужна дочери живой и здоровой.

— Конечно, я это знаю.

— От меня ни шагу, — ставит он условие. — Что бы ни случилось.

Я киваю. Вопрос в другом: что может случиться?

В итоге в отеле мы не задержались, даже Алиша поехала с нами. Не знаю, что по этому поводу думал Хантер, но он не сказал ни слова против. Значит, вот так выглядит равно-

правный брак? Все-таки есть плюсы в том, что твой истинный всю жизнь провел среди людей и уважает твои границы. Не грозит связыванием или чем похуже. Я же не знаю, почему Рамон согласился. Не хочет, чтобы я его ненавидела? Раньше его это не волновало. Раньше его вообще мало что волновало. А теперь?

Мы погрузились в авто: Рамон за рулем, я рядом, друзья позади. За нами выехали еще две машины с вервольфами, и, подозреваю, это было не простое сопровождение. До особняка Альмы оказалось всего полчаса пути. Если честно, я ожидала увидеть как минимум мрачный готичный особняк из фильмов, но моему взгляду предстал утопающий в зелени современный дом, со стеклянными стенами, выложенными прямоугольной плиткой дорожками, с бассейном, виднеющимся бирюзовой кляксой, и лестницей к частному пляжу.

В таком доме могла бы жить даже я. Хотя, признаться, мне больше нравились здания с историей, вроде особняка Доминика или дома Рамона на островах. Но я бы ни за что не поверила, что в этом доме может жить настоящая ведьма. Слишком невинно он выглядел. С другой стороны, по Альме тоже не сразу можно было сказать, что она тварь последняя. Хотя она мне изначально не понравилась. Ну почему я не послушала свою интуицию?

— Милое место, — озвучила Али мои мысли. — Красивое море и, наверное, теплое.

— Точно теплее, чем у берегов Крайтона, — подтвердил

Хантер. — Уже жалеешь, что не осталась в гостинице?

— Мы сюда не отдыхать приехали!

— Правильно, волчонок, — сказал он нежно своей супруге. — И взяли мы вас с собой, чтобы вы сами вдруг не убежали. Но с Пересом пойдем в гости первыми, вы останетесь с Берном.

Берн — начальник службы безопасности Хантера, и он ничем не напоминает мне Хавьера. Коренастый, среднего роста, рыжеволосый — редкость среди вервольфов. Берн сдержанно мне улыбается, он вежлив, но что-то мне подсказывает, что от него не сбежать. Ни мне, ни Али.

— Рамон, ты сказал — от тебя ни шагу, — я приподнимаю бровь, когда он выходит из машины. Но на мои слова наклоняется и кладет ладони на опущенное стекло.

— Хорошая попытка, Венера, но сначала мы с Хантером убедимся, что Альма не оставила никаких сюрпризов.

Мое сердце пропускает удар.

— Бомба?!

— Не думаю, если это ее любимое место.

— Вдруг Сара там.

— Это мы и узнаем. Ни шагу из машины! — приказывает он и добавляет уже мягче: — Пожалуйста. Обещай.

— Даже если мне захочется подышать воздухом?

— Окна открыты.

— Хорошо. Я не сойду с места, доволен?

Он прищуривается, но все-таки уходит. Они берут поло-

вину вервольфов и спускаются к воротам дома, вторая половина сторожит нас с Али. Мы стоим на холме, поэтому территория особняка как на ладони. Через некоторое время ворота открываются, впуская непрошенных визитеров, и я вижу, как спустя пару минут они скрываются в здании.

И все.

Остается только ждать.

Как назло во мне поднимается жажда деятельности — та самая, что случается со мной всякий раз, когда я нервничаю. Поэтому я включаю-выключаю музыку, перекидываю сумочку слева направо, перекидываю ногу на ногу. Почему я не попросила телефон? Он мне был не нужен на острове, в Вилемие, но сейчас бы пригодился! У Алиши точно есть, но я же не могу беспокоить Хантера по пустякам. Даже шрам заныл от этих нервов. Мне бы сейчас перекинуться, сбросить лишнюю, застоявшуюся энергию, регенерация пошла бы быстрее, но я пообещала сидеть в машине.

— Почему так долго? — вырывается у меня.

Али кладет руку мне на плечо и успокаивающе поглаживает:

— Только пять минут прошло, Венера. Все будет хорошо.

— Как думаешь, они найдут ее?

— Здесь? Будем надеяться.

Только это мне и остается — надеяться. Всматриваться в безмятежность картины, игнорировать шум волн и прислушиваться к звукам. И безмятежность действительно раз-

рушается, правда, звуками не из дома, а со стороны шоссе: сюда кто-то направляется. Судя по звучанию двигателей — кортеж из машин.

— Поднимите стекла, — командует мне Берн, и я на автомате выполняю. В распоряжении Альмы безликие, и мне ли не знать, что они еще и абсолютно без тормозов. Есть вероятность, что машины просто проедут мимо: мы стоим на обочине, так что, возможно, нас проигнорируют. Но вместо этого они останавливаются позади, блокируя нам обратный путь.

Наша охрана напрягается, занимает позиции для обороны, Берн звонит, предполагаю, что Рамону. Но Рамон не успеет. Не успеет, если...

— Остаться в отеле теперь кажется не такой плохой идеей, — говорит Алиша, как и я всматриваясь в авто наших «гостей». Не знаю, кого я жду там увидеть, но точно не того, кто выходит из первой машины.

Рауль.

Мой вилемейский муж.

Сказать, что у меня глаза на лоб лезут — ничего не сказать. Потому что в моей картине мире Раулю здесь неоткуда взяться. Больше того, для меня он страница жизни, которую я перевернула, оставила в прошлом. Тот, с кем я в глубине души, позорно надеялась больше никогда не встретиться. Почему позорно? Потому что в состоянии аффекта использовала этого парня, за что сейчас мне стыдно. А он — что?

Искал меня?

Тут в мою светлую голову приходит, что он тут вовсе не из-за меня, а из-за Альмы. Микаэль тоже теперь в курсе, где прячется эта ведьма. Точнее, где ее видели в последний раз. Поэтому наша встреча с Раулем, скорее, случайность. Он же не мог знать, что я буду здесь? Я сама еще утром не знала, что буду здесь. Но уже в курсе, потому что он ведет носом и безошибочно находит именно ту машину, в которой сижу я.

Его жена.

Которую увезли из страны силой.

Бесы! Если не сказать хуже. Я прикусываю нижнюю губу и наблюдаю за тем, как Рауль уверенно движется сюда.

— Кто это? — спрашивает Алиша. — Храбрец.

Самоубийца! Потому что боевые волки, пока еще в человеческом обличье, преграждают ему путь.

— Мой муж, — выдыхаю я со стоном и в ответ на большие глаза Али объясняю: — Да, это Рауль, за которого я вышла замуж.

— Красавчик, — хмыкает волчица, явно издеваясь над моими натянутыми до предела нервами. — У альфы Микаэля хороший вкус на мужчин.

Я давлюсь смешком.

— Уверена, выбирала его жена.

— Она тоже падкая на красивых мужчин?

— Ее идеал — Рамон.

Не знаю, почему я это говорю, почему мы вообще обсуж-

даем Рауля и Рамона, и Сиенну, которую я зачем-то вспомнила. Он перевернутая страница... Но, кажется, он так не считает, потому что вервольф останавливается в нескольких метрах от автомобиля и приказывает на легорийском:

— Немедленно отпустите мою супругу.

Берн явно не в курсе моей аферы, потому что слегка те-
ряется, но оружие, направленный в грудь Раулю пистолет, не опускает.

— Здесь нет твоей жены, парень.

— Венера моя супруга по законам Вилемии.

Пистолет на месте, и я вижу, как из других автомоби-
лей выходят остальные вервольфы. Высокие, грозные, во-
оруженные до зубов, и у них численное превосходство.

— Отдайте ее мне, и никто не пострадает.

Мне становится дурно, и вовсе не из-за жары. Судя по
взгляду Алиши, она думает о том же. Предки, Рауль же счи-
тает, что меня увезли силой. Похитили. И собирается меня
спасти! Забрать домой.

Я не придумываю ничего лучше, чем выйти из машины с
намерением сказать Раулю, что все хорошо.

— Рауль, я тут по собственной воле.

— Венера, — его взгляд на мгновение становится неж-
ным, — рад, что с тобой все хорошо.

— Да, я в порядке. — Не совсем, но это уже незначи-
тельные детали.

Судя по виду главного безопасника, ему моя самостоятель-

ность не нравится, и он готов буквально запихнуть меня обратно в автомобиль.

— Вернись в машину, Венера.

— Все в порядке, — вытягиваю руку вперед, пытаюсь успокоить Берна. — Я просто с ним поговорю.

— Венера, ты хочешь сказать, что улетела сама? — переходит Рауль на вилемейский.

— Что? Нет. Рамон меня увез.

— Я так и думал, — сжимает кулаки «муж».

— Это неважно. Теперь мы вместе ищем дочь.

— Я тоже ищу нашу дочь. Я здесь ради нее.

— Нашу? — вскидываю я брови.

— Я признал ее. Ты моя супруга, и это наша дочь.

Только этого мне не хватало!

Я оглядываюсь, на Али и безопасников, мне неловко. Неловко признаваться в своих ошибках. Меня, пожалуй, спасает только то, что я говорю на иностранном языке.

— Рауль, прости, что так получилось. — Я волнуюсь и забываю половину слов, но все-таки объясняю: — Я подтвердила наш брак, потому что считала — мою дочь забрал Волчий Союз. Я манипулировала тобой. Наша свадьба — ошибка. Фикция. Прости, пожалуйста. Я сильно-сильно раскаиваюсь.

Вот, я все сказала, и, по идее, он должен сейчас разозлиться и уйти. Но Рауль не уходит и даже не злится.

— Я знаю, Венера. Я все понял. Но это не отменяет моих

чувств и намерений в отношении тебя. Альфа Микаэль подтвердил, что ты теперь моя жена. Ты подтвердила при свидетелях, что ты моя жена. Поэтому я забираю тебя с собой.

Что?!

Напрягаюсь я. Напрягаются абсолютно все. Кроме Рауля.

— Ты не можешь меня забрать, — напоминаю я. — Я ищу свою дочь.

— Я тоже ищу нашу дочь, и найду. У меня есть все ресурсы. Пойдем со мной, Венера.

— Постой. Я не хочу.

Он тяжело вздыхает, и его взгляд разом меняется, становится жестким и серьезным:

— Ты моя жена. Слушайся меня.

То есть, мое мнение снова не учитывается?

«Рамон!» — зову я по нашей несовершенной, хромоногой мыслесвязи. — «Рамон, меня же сейчас увезут!»

Он слышит.

То есть, никакого ответа, я не слышу его голоса, но я каким-то шестым чувством понимаю, улавливаю отклик Рамона, и знаю, что он уже движется сюда. Надо только чуть-чуть потянуть время. Просто тянуть время.

— Рауль, ты ведь здесь не ради меня? У тебя, наверное, дела к Альме.

— Альмы здесь нет. Как и ребенка. В доме только слуги.

Не знаю, чего я ждала. Наверное, подсознательно, тем самым шестым чувством я знала, я чувствовала, что Сары не

в доме. Не здесь. Но это не отменяло того, что я надеялась. Надеялась, что найду ее сегодня! А еще это не объясняло...

— Откуда?..

— Я был здесь вчера.

— Тогда что ты тут делаешь сегодня?

Нехорошее такое чувство ледяным прикосновением скользит по спине ощущением ловушки.

— Я же сказал, что приехал за тобой. Это единственное место, которое выдала Сураза. Я знал, что сюда прилетит Рамон, а значит, он привезет тебя с собой. Пойдем со мной.

Он протягивает мне руку, но между нами становится Берн.

— Она никуда не идет.

Это даже не ловушка, отчетливо пахнет жареным, пусть даже это всего лишь метафора. Потому что из новых машин выходят остальные вервольфы. Уверена, волки Хантера умелые бойцы, некоторые из них, как и мой друг, участвовали в легендарных Волчьих боях. Даже численное превосходство им не страшно. Но я точно не хочу, чтобы из-за меня проливалась кровь. Не имеет значения, легорийцев или вилемейцев.

— Она моя жена. Если вы не отпустите ее по-хорошему, будет по-плохому.

То есть, мое мнение для него вообще по боку?!

— Не надо по-плохому. — Лучше бы Али сидеть в машине, но она выходит и становится рядом со мной. — Почему

бы не дожидаться моего супруга, Хантера Прайера, старейшины Легории? Решить все мирно.

Потому что я читаю ответ на заострившемся лице Рауля. Он не хочет дожидаться Хантера и Рамона. Он хочет забрать меня, отвоевать себе.

Берн готов к атаке «моего мужа», а вот я — нет. Я отшатываюсь, и Алиша рывком запикивает меня в машину, жмет на блокировку дверей. К счастью, никто не стреляет, но это, пожалуй, единственный плюс. В остальном, две группы вервольфов схлестываются в ожесточенной схватке. Одни расправляются друг с другом врукопашную, другие на ходу трансформируются в опасных хищников, что вонзаются друг в друга зубами. Еще немного, и они порвут друг друга в клочья.

Меня начинает трясти, даже успокаивающие поглаживания Алиши по спине не срабатывают. Что-то во мне изменилось после родов: мне дико страшно и хочется крепко зажмуриться. Я не хочу на это смотреть, и не смотреть не могу. Особенно, когда Рауль ударяет Берном о бок машины. Я скидываю голову, наблюдая за всем этим расширенными глазами.

— Я беру свои слова назад, — шипит Алиша. — Он, может, и красавчик, но совершенно точно идиот.

Идиот! Как есть идиот!

— Мы должны что-то сделать, — говорю я нетвердым голосом, глядя на Али.

— Плохая идея, — качает она головой. — Все, что нам нужно делать — довериться нашим мужчинам и дожидаться их.

— Рамон не мой мужчина! — рычу я.

— Но ты его позвала? Пожалуйста, скажи, что позвала.

Позвала. А он услышал. Но и все: больше я его не чувствовала. Будто между нами заслонка упала. Он от меня отгородился? Или что это?

Новый удар о машину заставил меня подпрыгнуть, а затем дверь вылетела наружу, и я следом за ней, как пробка из теплой бутылки игристого. Для меня это стало настолько неожиданным, что я даже подумать ничего не успела, ни то, чтобы начать сопротивляться. Рауль просто схватил меня за руку и выдернул из салона авто. Я врезалась в его грудь, его ладони сомкнулись на моей талии и сжались там до боли.

— Пусти!

Я вскрикнула, а Рауль вместо того, чтобы куда-либо меня тащить, рухнул на колени к моим ногам. Сжал руками голову, а я отступила. Прижалась спиной к машине, и тут заметила, что дело не только в Рауле. Все легорийцы последовали за ним: их просто будто прижало к земле неведомой силой, которая сейчас причиняла им боль, заставляла мучиться в агонии.

Мне не надо было оглядываться, чтобы узнать эту силу. Понять, что происходит. Я это снова почувствовала. Почувствовала идущего к нам по разделительной полосе Рамона.

Он шел, и ни один мускул ни дрогнул на его лице. Но я отчего-то знала, что это все он. Это он заставил Рауля валяться на дороге.

Приказ. Это такой приказ?

Рамон подошел к нам, взял меня за руку, и мой ступор вдруг с меня схлынул.

— Отпусти его, Рамон. Его, их всех.

— Пока рано.

— Пожалуйста!

— Помолчи, женщина, — перебивает он меня опасно спокойно, крепче сжимая мою ладонь. — Если не хочешь проблем, Рауль, то ты не станешь нас преследовать.

— Микаэль этого так не оставит, — цедит «муж», явно преодолевая боль, — я этого так не оставлю.

— Передай моему брату, что он лезет не в свое дело.

— Можешь сам передать. Он здесь, в Гэжеле.

Рамон ругается на вилемейском, но тянет меня в сторону другой, «целой» машины.

— Ты теперь преступник, Рамон, — кричит нам вслед Рауль. — И ты ответишь за свои действия. Венера и ее дочь будут мои...

Его последняя фраза обрывается, подозреваю, что Рамон снова включает свое давление. Какая же у него огромная власть? Откуда?

Но больше всего, когда я наконец-то оказываюсь в машине, меня интересует другой вопрос:

— Ты нашел Сару?

— Нет, — подтверждает он слова Рауля.

ГЛАВА 5

Только это и имело значение, когда мы уезжали. Я даже про Рауля и поверженное «войско» Микаэля вспомнила, когда они уже пропали из поля зрения. А учитывая, что мы в автомобиле были не одни: позади теперь расположились Хантер и Алиша, то я решила подождать с разговором до отеля. До отеля, до самолета, в общем, когда мы с Рамоном останемся наедине. По пути как раз узнала, что в доме Альмы действительно были только слуги, и они понятия не имели, куда подевалась их безумная нанимательница. Но при всем своем профессионализме были напуганы заявившейся сначала одной бандой во главе с Раулем, а затем — Рамоном и Хантером.

Ниточка оборвалась.

Это единственное, что меня сейчас волновало. Ни то, что за мной охотится Рауль и Микаэль. Ни то, что беременность и роды во мне что-то изменили — что я сегодня поддалась панике, вместо того, чтобы сражаться, бороться, отстаивать себя. Меня до сих пор немного трясло, может, поэтому я не набросилась на Рамона с расспросами. Тем более меня не интересовали мои сложные запутанные неотношения с истинным. Ничего из этого.

Лишь то, что я по-прежнему не знаю, где моя дочь. Не знаю, где моя малышка.

Я выходила из машины как в тумане. Даже не помнила, как оказалась в номере, сидящей на краешке кровати. Осознала, что мы не улетаем немедленно. Да и куда лететь? Ведь по словам Рамона никто не знал, куда отправилась Альма.

— Нена, никто не говорил, что будет просто.

Я вскинула голову на возвышающегося надо мной Рамона. Что ж, мое желание исполнилось: мы были одни в комнате. Хантер и Алиша, видимо, потерялись где-то по пути.

— Это не игра, — кривлюсь я.

— Не игра, согласен. Но Альма годами водила за нос меня, Артура, весь Волчий Союз. Странно было бы ждать, что она так легко проколется.

— Почему мы тогда здесь?

— Попытка не пытка.

Пытка. Для меня самая настоящая.

— Мы движемся вслепую, — я обхватываю себя руками, но не потому что здесь работает кондиционер. Это внутренний холод. — Наобум.

— Да, но я проверяю все варианты.

— И какие варианты у нас еще есть?

— Я работаю над этим. Позволишь?

Не дождавшись ответа, он занимает место рядом со мной. Матрас мягко прогибается под его весом, и я едва не соскальзываю в его объятия — вовремя торможу, упираясь в пол стопами. Сейчас мне меньше всего хочется прикосновений. И тишины между нами тоже.

— Теперь за нами охотится Рауль и Микаэль, — говорю, чтобы что-нибудь сказать. Делаю вид, что рассматриваю уютный летний пейзаж на стене — поле из цветов.

— Я уже это понял. Никогда бы не подумал, что ты ему настолько понравишься.

Я тоже считала, что нравлюсь Мику. Не как женщина, конечно — он полностью повернут на своей жене, просто как волчица, как личность. Но оказалось...

— По-моему, он делает это назло тебе.

— Нет, тут скорее проснулось его чувство справедливости.

— Поэтому он послал Рауля искать нашу дочь? — теперь я смотрю в лицо Рамону, в самую глубину его глаз. Сейчас темных, без намека на присутствие его суперволка. — Из-за справедливости? Что будет, если они найдут ее раньше? Мне вообще расскажут об этом? Или ее просто присвоят себе, как члена стаи?

Выражение его лица все-таки меняется: становится более жестким.

— Хочешь поставить на другую лошадь, Венера?

— Что?

— Хотя в данном случае — на другого волка. Ты хотела уйти с Раулем.

Даже не вопрос — факт. И упрек, от осознания которого я задыхаюсь от возмущения.

— Не хотела, — цезу я. — Если бы хотела, зачем мне бы-

ло звать тебя! Ты меня услышал, я в этом уверена. Поэтому вернулся так рано. Что ты вообще с ним сделал? Со всеми ними?

Рамон яростно сжимает челюсти.

— Всего лишь продемонстрировал свою силу.

— Твое пугающее наследие, — хмыкаю я.

— Ты не оттолкнула его, когда он тебя схватил.

Потому что перепугалась до маленьких бесиков! Но в этом я ему не собираюсь признаваться, и резко поднимаюсь. Рамон отстает от меня на долю секунды, и мы оказываемся лицом к лицу.

— Что ты от меня хочешь? — интересуюсь я. — Я готова на все, чтобы найти мою дочь.

— Представь себе, я тоже готов абсолютно на все, чтобы найти нашу дочь, — рычит он.

— Но у тебя закончились идеи, как это сделать!

— А у Рауля их масса!

— Конечно, они там целой стаей думают!

Мы уже не просто рычим друг на друга. Кричим. И это отрезвляет. Как отрезвляют его слова, сказанные убийственно спокойно:

— Отлично, тогда я тебя не держу.

Это сравнимо с пощечиной. С новым ударом, к которым я так и не привыкну. Во мне поднимается нечто яростное. Нечто злое. Обидное. Поэтому, когда Рамон стремительно выходит из номера, я хватаю покрывало с кровати, рычу,

раздирая его на части когтями. После покрывала наступает черед подушки, затем торшера. К счастью, в номере не так много обстановки, которую способны уничтожить я и моя ярость. Мое отчаяние, потаенный страх, что я больше никогда, никогда-никогда не увижу дочь.

На переломанном торшере я выдыхаюсь. Осматриваю хаос в виде осколков на ковре и осевших облаками перьев из подушек, и мне становится стыдно. За нанесенный ущерб, за эту вспышку, за то, что я выпустила своего внутреннего зверя, позволила волчице взять над собой верх. А ведь она тоже потеряла ребенка! Я чувствовала ее слезы. Чувствовала ее боль. И эта боль проходила сквозь меня.

Тогда я очнулась посреди всего этого беспорядка, который так ярко сейчас иллюстрировал мою жизнь, и поняла, что я не хочу ехать за Раулем. Я вообще его знать не хочу. Когда я собиралась за него замуж, он не вел себя как настоящий эсдеринос. И, как бы меня не ломало от мысли, что придется это сделать — надо бы извиниться перед Рамоном. Хотя бы потому что сейчас мы на одной стороне, и он единственный действительно заинтересован в том, чтобы найти дочь. Он хочет найти Сару так же сильно, как этого хочу я.

Поэтому я приглаживаю волосы, глядя на свое уставшее отражение, вытираю вспотевшие ладони о брюки и иду искать истинного. Благодаря нашей связи это несложно — Рамон оказывается во внутреннем дворике отеля. В саду, утопающем в зелени, и с симпатичным фонтанчиком посреди-

не. Истинный сидит на скамье, спиной ко мне. Но он не один.

Я спотыкаюсь о порожек, потому что узнаю его спутницу, с которой он разговаривает. Да и как тут не узнать? Ее я даже со спины узнаю.

Это Сиенна.

Вот тут я впервые в жизни жалею, что я вервольф, и что Рамон и Сиенна тоже вервольфы. Потому что мне хочется по-человечески остаться незамеченной и уйти. Перенести разговор с Рамоном на потом. Да какой на потом? Мне уже не хочется с ним разговаривать, тем более — извиняться. Час назад Рауль напал на волков Хантера и хотел забрать меня, отвезти к Микаэлю, а Рамон — что? Как ни в чем не бывало беседует с его женой! Интересно, о чем они тут договариваются? О комфортной передаче меня Раулю? Не держит он меня, как же!

На этой мысли мне больше не хочется уйти, тем более меня уже заметили: Рамон вскинул голову, а Сиенна обернулась следом, поджала губы. Эта волчица точно не рада меня видеть, несмотря на то, что делала все, чтобы я поверила в ее доброту душевную. Даже спасла меня от безликих. А что толку, если Сару все равно выкрали? Если Альма все равно планировала ее забрать после родов! Получается, тот эпизод призван был меня запугать или запутать. Чтобы я смотрела вдаль, и не рассмотрела змею поближе. У себя под носом.

Что в итоге? Я не доверяю никому. Тем более Сиенне.

— Что ты здесь делаешь? — интересуюсь я, шагая к ним.

— Пришла за мной?

— Нужна ты мне! — фыркает Сиенна в своем стиле.

Я приподнимаю бровь:

— Ах да, тебе нужен Рамон.

— Ревность тебе не идет, Венера.

— А что мне подходит? Доброта и улыбка? — я изобразила самую милую улыбочку, на которую сейчас была способна. Правда, не уверена, что не получилось грозного оскала.

— Хватит, — приказывает Рамон тихо, и Сиенна осекается, хотя до этого она явно намеревалась продолжить наш «содержательный» диалог. — Мы не враги. Всего лишь не поняли друг друга.

— Расскажи это ей, — киваю я на Сиенну, — и своему родному брату. Когда я давала клятву верности альфе Микаэлю, то не соглашалась на свадьбу или на то, что он решит присвоить себе мою дочь.

— Я не виновата в том, что Рауль на тебе помешался! — рычит волчица. — Я тебе желала исключительно счастья.

Я шагаю к Рамону и хватаюсь за его локоть, прижимаясь бедром к бедру. От внимания Сиенны это, конечно, не ускользает, и она плотно сжимает губы.

— Я счастлива. Ко мне, наконец-то, вернулся мой истинный. Тот, кого вы успели похоронить. И мы теперь вместе ищем нашего ребенка. А ты и твой муж этому мешаете.

— Мешаем?! Если бы Мик мешал, тебя бы уже здесь не было. Ты правильно напомнила о клятве! И что? Мучают го-

ловные боли? Зов? Он тебя не зовет. Понимает, что ты пережила. Может, зря?

Я бледнею, даже зеркало не нужно, чтобы почувствовать, как краска отливает от моего лица. Потому что зов — это не то, что можно легко игнорировать. Если альфа позовет, я вряд ли смогу сопротивляться, особенно в таком состоянии. И буду с Раулем, который на мне помешался.

— Сиенна, ты сейчас угрожаешь моей истинной. — Глухой голос Рамона вытряхивает меня из мрачных мыслей, я удивленно моргаю. Он встал на мою защиту? Пора, наверное, к этому привыкнуть, но я пока не привыкла. Не привыкла к тому, что меня защищают, пусть даже перед бывшими.

А Сиенна слегка краснеет, правда, сомневаюсь, что от стыда, скорее, от внутреннего яда.

— Прости, я здесь не за этим, — она вроде как извиняется передо мной, а смотрит на Рамона. — Микаэль не станет использовать свое влияние, зная, что ты пережила. Он не зверь.

— Не за этим? Тогда зачем?

Вместо нее отвечает Рамон:

— Сиенна предлагает помощь.

Помощь? Да они со своим Микаэлем уже помогли так, что никак от их помощи отойти не могу! А Рамон? Зная, что со мной случилось, зная, как я к ней отношусь, зная, что она его бывшая... Предлагает мне согласиться? Согласиться на помощь!

Я посмотрела на Рамона, но по его лицу было сложно понять, что он сам думает на этот счет. Принял ли уже решение, или действительно советуется со мной? Да бред! Не нужны ему мои советы.

— Мы одна семья, — говорит Сиенна, ободренная моим молчанием. — Мы можем объединиться в поисках. Я смогу убедить Микаэля спрятать клыки, и мы в два счета отыщем вашу дочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.